

Неделя, 1985, нояб., № 48.

Память сердца

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

«...Закончил воевать за Берлином — в городе Гревесмюлене, много повидавший и испытывавший: и тягость военных лет, и радость Победы. С этим жизненным опытом я и пришел в театр».

(И. М. СМОКТУНОВСКИЙ.
Из автобиографии).

В это воскресное утро репетиция спектакля «Господа Головлевы» началась в 11.00, а ровно в 10.00 Иннокентий Михайлович Смоктуновский встретил меня у служебного входа МХАТа. При остром дефиците времени он неделю за неделей просматривал свое расписание, чтобы, наконец, выкроить этот час для встречи с корреспондентом. Но был еще один аспект, как мне показалось, который заставлял актера «уходить» от беседы. Не хотелось ему прикасаться к тому страданному, заболевшему, что жило лишь в памяти. Но именно в сопряжении с нынешними событиями в мире это сокровенное прошлое все больше обретало новую реальность своей актуальностью, необходимостью высказаться. Я уже знала, что прежде чем попасть в действующую армию (заканчивался разгром фашистов на Курско-Орловской дуге), Смоктуновский был курсантом Киевского пехотного училища. Знала, что он участвовал в форсировании Днепра, в боях за освобождение Киева.

Голос моего собеседника звучал приглушенно. Он все смотрел в окно маленькой гримерной — по его напряженной позе и речи чувствовалось, что там, за окном, он видит не московский дворик, а зрительный ряд образов, к которым сейчас с таким трудом, в движении мысли, подбирались ключи оценок.

— На память мне приходит трактат Леонардо да Винчи, его слова о том, как надо писать батальные сцены. Он говорил — обязательно пишите побежденных с очень бледными лицами, глазами, полными страха, впрочем, и у победителей лица тоже должны быть бледными. Почему я вспомнил об этом? Сорок лет назад мы освободили Киев. Скоро будем отмечать сорокалетие Победы. А за нею — и счастье освобождения, и огромная горе миллионов людей, к которым не вернулись отцы, братья, сестры и дети. Сейчас наш народ занимается мирным трудом, но покоя нет. Ни в сердцах, ни в душах покоя нет. Мы шли тогда, освобождая Украину, освобождая от захватчиков нашу Родину, с полным сознанием того, что делаем прекрасное, доброе дело. Празднуя Победу, которая досталась очень дорогой ценой, мы даже не представляли себе, что

может снова нависнуть такая страшная угроза над планетой. Не надо войны! Проблемы могут быть решены и должны решаться только за столом мирных переговоров. Та война, с ее невосполнимыми потерями, окажется ничтожной по сравнению с катастрофой, которая ждет все человечество, если развяжется новая. Надо все-таки надеяться на разум, надо сделать очень серьезные выводы из прошлого.

Вы просите рассказать о событиях тех далеких лет. Каждый шаг вперед был полит кровью советских людей. Стойких, сильных, мужественных. Это святое дело... Я, наверное, расскажу вам в самых общих чертах, тем более что многое еще нужно уточнить: и даты, и войсковые части — ведь мне пришлось не раз менять места службы. Некоторые эпизоды в силу минувших лет и свойств человеческой памяти уже не могут быть абсолютно адекватны тем давним, происходившим почти сорок лет назад.

Горжусь тем, что находился в части, которая первой форсировала Днепр; это было в сорока километрах от Киева. Тогда горстка бойцов захватила пятачок на противоположном берегу — все они были удостоены звания Героя Советского Союза. Мы прикрывали отплывшую лодку с первыми смельчаками, а затем всеми силами расширяли захваченный нами плацдарм. До сих пор помню канонаду тех тревожных дней ноября: она

несла радость нам и горе врагам. Мы воевали плечом к плечу с бойцами самых разных национальностей. Земля гудела под ногами в буквальном смысле слова. Это был прекрасный гуд — гуд жизни, ее продолжения, праздник освобождения Родины, которую я люблю до дрожи, до слез — и не стыжусь признаться в этом. Обездвиг весь мир, я говорю: лучше моей Родины нет!

...Наша часть шла в обход Киева на Дымер. А там оказалось большое скопление сил противника. Он встретил нас, конечно, яростным сопротивлением. За каждой хатой притаились танки, они расстреливали нас в упор. Прекрасно замаскировались эти чудовищные коробки смерти. Но к вечеру мы освободили Дымер. И узнали: фашистов уже выбили из Киева.

В ходе стремительного наступления наших войск я в группе атакующих оказался в расположении противника и попал в плен. Как видим, успех порой так близко граничит с неудачей... Месяц и четыре дня я находился в пекле вражеского плена. Знал, что за попытку к бегству — расстрел. Знал, что и тем, кто предоставит мне, бежавшему, кров, уготована та же кара.

Мне удалось бежать. В одной деревне предостерегли: «Здесь полно фашистов, уходи». Я попросил указать направление, где меньше дорог, где есть леса, — в надежде не только укрыться, но и встретиться с нашими. До хутора — в шесть или восемь домиков — с трудом добрался через несколько дней. Меня накормили, обогрели, спрятали, когда гитлеровцы приехали за продуктами. А потом был я принят в партизанский отряд.

Будете в Центральном театральном музее имени Бахрушина — сможете увидеть хранящийся там документ на папирусной бумаге, датированный 1 марта 1944 года: «Выдано настоящее тов. Смоктуновскому И. М. в том, что он действительно состоит в партизанском отряде Отечественной войны имени Ленина Каменец-Подольского соединения». Я попал в отряд в тот момент, когда он сильно был потрепан противником. Отряд действовал на севере нынешней Хмельницкой области. Фашисты отступали под ударами нашей армии, а мы с тыла наносили удары захватчикам. Иногда создавали видимость крупного соединения:

по вечерам в лесу жгли костры, шумели, имитировали перемещение больших сил... Вскоре партизанский отряд слился с регулярными войсками, и я вновь стал красноармейцем, командиром отделения автоматчиков. Однажды — уже на территории Германии — мне, гвардии сержанту, перед строем бойцов 641-го стрелкового полка вручили медаль «За отвагу» — вторую в моей военной биографии.

Рассказать о первой медали «За отвагу»? Было это в октябре 1943 года при форсировании Днепра. Мне только-только исполнилось 18 лет. Наши связисты гибли один за другим. Нелегко под обстрелом преодолеть студеный водный рубеж, чтобы доставить на ту сторону пакет. Я отправился в путь с еще одним бойцом. Нас накрыл огневой шквал, и мой товарищ чуть поостал. Я начал его звать, но он так и не откликнулся. Погиб. Это на войне частность, как и многие другие. Но из них складывается целое, титаническое, — а именно такой была наша Победа. И эта Победа не должна превратиться в мозаику восхваления самого себя... Не верьте, когда говорят, что на войне не страшно. Это слова. Кто был на передовой, тот знает: это всегда страшно. Храбрость, думается мне, — это когда тебе страшно, но нужно идти вперед и ты идешь, и делаешь все сознательно, а не тогда, когда ты бежишь вперед, ничего не соображая... Только через три года меня нашла награда, боевая медаль.

Никогда не забуду семью Шевчук, которая укрывала меня после побега из плена. Можно ли найти слова, чтобы выразить благодарность, которая идет от всего сердца? Баба Вася... Она давно умерла. Ее дочь Онисья и сейчас живет в Шепетовке. У нее тоже есть дочка — Присья. Это душевные, дорогие мне люди. Они бываю у нас, мы всегда радушно и нежно их принимаем. Это для меня люди святые, потому что ради меня они были готовы жертвовать своей жизнью. Я был очень болен: дистрофия, дизентерия. Фашистский плен — не отдых на лужайке. Это страшное дело. Шевчуки меня отмыли, отскребли в бане. Нужно было идти дальше, освобождать свою страну, чтобы потом она могла возвратиться к мирному труду. И это помогли мне сделать замечательные, прекрасные сестры и братья — украинцы. Им я обязан тем, что жив. Их общими заботами я обрел силу. А веру не терял никогда — ни в себя, ни в нашу Победу.

Записала Галина ШУЙСКАЯ.
МОСКВА.